

К 120-летию Ивана Бунина

В первом номере «Русской почты» мы сообщали о намерении ЭКЦ «Русская энциклопедия» выпустить сборник материалов, посвященных пребыванию в Прибалтике в 1938 году Ивана Алексеевича Бунина. Издание планировалось осуществить к 120-летию со дня рождения писателя, то есть октябрю нынешнего года. Тогда же мы обращались к читателям с просьбой помочь в сборе материала. Призыв был услышан, собрано немало любопытных документов. Октябрь наступил. Увы, как нередко случается, вмешались обстоятельства, которые оказались сильнее нас. Выпуск книги задерживается. Мы, конечно, помним, что дорого личико ко Христову дню, а ложка — к обеду, но вынуждены утешаться другой поговоркой — лучше поздно, чем никогда. Сборник все же увидит свет, а пока (на последней странице «РП») предлагаем вашему вниманию один из его материалов.

РАДОСТЬ СЛУЖЕНИЯ БЛИЖНЕМУ

Пятое октября, когда состоялась беседа с Владыкой Корнилием, должно было стать для Вячеслава Васильевича Яковца (такое имя носит Владыка в миру) днем юбилейным: исполнилось бы ровно тридцать лет служения его в Ныммеской церкви. Но несколькими неделями раньше состоялось наречение его во епископа Таллиннского.

На Соборе 1988 года, в дни 1000-летия крещения Руси, был принят Устав Русской Православной Церкви, в котором говорится, что каждая епархия должна иметь собствен-

ного Владыку. «Вдовствовать епархия не может более сорока дней». Став Патриархом Московским и Всея Руси, Алексий II незамедлительно начал претворять в жизнь Устав.

В приемную управления Таллиннской епархии то и дело входят люди. Слышу обрывок разговора: «Ну, теперь-то проще решить — Владыка здесь каждый день бывает...». Разговор с епископом Корнилием начинаю с вопроса: какие самые неотложные задачи стоят сейчас перед ним?

— Выражаясь газетным языком — кадровые. Замещения в приходах священников. Предыдущие десятилетия, когда каждое назначение должно было регистрироваться в Совете по делам религии при Совмине ЭССР, принесло нам немало бед. Все делалось очень просто — лучшие люди браковались. Ленинская мысль о том, что пьяный поп — самый надежный проповедник атеизма, таким вот нехитрым способом обретала действительность... Сейчас архиерей имеет право сам делать назначения. Ищем людей на местах, кого-то посылаем учиться.

— Таллиннская епархия особая — здесь прихожане говорят на двух языках. Вносит ли это дополнительные сложности?

— Да, конечно. Есть значительная разница между русскими и эстонскими приходами, причем восходящая к историческим корням: ведь русскому православию — тысяча лет. Эстонское значительно моложе. В Причудье, на границе с Псковской областью, эстонское православие достаточно глубокое, его принес туда 400 лет назад Преподобный Корнилий Печорский. В северной же Эстонии оно насчитывает не более сотни лет. К тому же, православные эстонцы очень часто живут в лютеранском окружении, много смешанных браков...

— И все-таки, как мне кажется, у нас в религиозной среде достаточно спокойная обстановка. Во всяком случае, ничего похожего на происходящее на Галичине, слава Богу, нет...

— Происходящее в Западной Украине имеет не столько религиозную, сколько политическую подоплеку. У

нас, к счастью, взаимоотношения между представителями различных конфессий вполне терпимые и благожелательные. Это положение необходимо сохранить. Нельзя позволить политическим страстям захлестнуть верующих. Церковь должна идти своим путем. Главное для нее — окормление своей паствы, духовное начало. Остальное — наносное. На торжественной трапезе после хиротонии я сказал, что не буду принадлежать ни к каким движениям, партиям, никогда не стану руководствовать в своей деятельности какими бы то ни было политическими мотивами. Как говорил Преподобный Серафим Саровский: «Стяжите мир, и тысячи кругом вас спасутся».

— Владыка Корнилий, несколько поколений в нашей стране выросли отлученными от Церкви. Сегодня многие оборотились к ней. Велика потребность в литературе, в воскресных школах для детей. Готова ли к этим переменам сама Церковь?

— Я приведу только один пример. Когда я начинал служить в Ныммеском приходе, бывало крещений пятьдесят в год. В последнее время столько же выпадало на одно воскресенье. И если раньше я по воскресеньям после службы в церкви отправлялся на кладбище — всегда кому-то надо отслужить панихиду, — теперь попросту не успевал. Много сейчас проблем: не хватает кадров, помещений для воскресных школ, литературы религиозной. Много, конечно, делается. Созданы воскресные школы для детей при кафедральном Александро-Невском соборе, Никольской церкви,

Ныммеской. Но надо подумать о дифференцированной работе с детьми. Пока они занимаются все вместе — и семи-, восьмилетние и подростки. Московская Патриархия выпустила книгу «Библийские повествования», в Куйбышевской епархии издан учебник Закона Божьего. Но, разумеется, тиражи явно недостаточные. Только что вышедшие книги появляются у букинистов по немилосердным ценам. Нет бумаги, не хватает полиграфических мощностей. Словом, проблемы те же, что у всех.

— Владыка, какую молитву вы проносите сегодня чаще других?

— Есть очень хорошая молитва об умирении человеческих страстей. Интересна она еще и тем, что найдена была в писательском архиве. С 18-го года сохранилась... Взаимоотношения между людьми сегодня самое главное. И — нравственное начало в человеке. Помните у Достоевского: «Дьявол с Богом борется и поле битвы их — сердца людей». Зло разрушительно. Да, сегодня больше людей приходят в церковь. Но если только на праздник заглянули, на встречу с митрополитом пришли, ордена надели — другим показать... «Возьмите иго мое на себя, ибо я кроток и смирен, и научитесь от меня, и найдете покой душам вашим», — говорил Христос. Постигание радости служения добру, служения ближнему — вот чему надо учиться.

Беседу вела
Елена ПАВЛОВА.
Фото Альберта ТРУУВЯРТА,
[ЭТА].

Русское рассеяние

«ТОСКА ПО РОДИНЕ —

ЗНАЕТЕ, что меня удивило в Австралии? Огурец. Да, обыкновенный зеленый огурец. Он был так похож на «наш», обычный овощ, словно рос где-то на грядке в Эстонии. Эта-то обычность и поразила. Ведь я уже не удивлялась тому, что под окном растет лимонное дерево, зреют бананы в саду. Я уже привыкла к диковинным фруктам на десерт. Мне полюбили торт «каравай», который в репертуар кондитеров из-за того, что австралийский фрукт пришелся по вкусу знаменитой русской балерине. Слаб человек, и, конечно же, я не устояла от искушения сфотографироваться с ручным кенгуром, этим самобытным австралийским... четвероногим: несмотря на его буквально человеческие ручки, официально у кенгуру четыре лапы!.. Я уже знала, что от церемонного, самоуверенного красавца эму надо беречь сумку и карманы — на самом деле он бесцеремонный карманнык.

Я уже выполнила завет друзей в Таллине — прикоснулась к пушистой спинке милого аборигенчика коала, игрушечная копия которого вдруг неожиданно, словно UFO, выросла передо мной на встрече школьных товарищей в китайском ресторане. «Австралия — самый любопытный край на земном шаре», — говорил Жюль Верн. И это не тот случай, когда хочешь оспаривать авторитеты. В этот континент, в его обитателей влюбляешься сразу и без оглядки. Оказывается, есть удивительный край на земном шаре, где жители улыбаются. И не только в магазине, когда за это платят деньги. А встречные. Просто так. В городском транспорте. На улице. И шутят. Подоброму. Без сарказма. Без претензий. Как это принято именно у австралийцев. «Оставляйте машины и XX век на стоянке» — гласит официальный указатель у входа в музей «Старый город Сидней». «Не открывайте окна вашей машины» — предостерегает объявление в парке, где посетители имеют возможность развезать по территории в соседстве с лениво прогуливающимися львами и тиграми — настоящими, на свободе! «Нарушители будут съедены» — просто и понятно. Никаких там «строго запрещается»...

У страны есть еще одна особенность. Она не разочаровывает, как это иногда случается,

когда слишком долго ждешь встречи с чудом. Нет, сиднейская бухта так же великолепна, как она представляется по очеркам Марка Твена (а ведь еще не было здания сиднейской оперы!). Австралийские демократические порядки совершенно адекватны, как нынче модно выражаться, описанным Даниилом Граниным во времена хрущевской оттепели в его книге «Меня зовут Мухомор». А почти энциклопедическое описание Австралии Владимиром Беззубовым лишний раз свидетельствует: и во времена застоя — если не иметь врожденной склонности к лицемерию — можно было дать объективную картину «их» образа жизни!

Вспоминаю свой первый день «на затылке земного шара». Вылетела из Москвы зимой, а проснулась... летом. Помните, как в милой старой комедии Уильяма Уайлера «Римские каникулы» героиня, открыв глаза утром, вместо привычной дворцовой лепнины, видит потолок обыкновенной квартиры журналиста. Со мной все было, как в кино, только наоборот: разбуженная сказочным пением кукабарры, увидела вместо обычной квартиры журналиста изысканную голубую комнату в доме моих друзей. Так начались мои «австралийские каникулы».

Нет предела вниманию и доброте моих одноклассников. Ради бывшей соученицы они не считают ни с затратами времени, ни с семейным бюджетом. Вероятно, такой теплотой и искренностью могла бы позавидовать любимица австралийцев сама принцесса Диана! Благодаря друзьям в самой сиднейской опере я почти что за все годы. И вот последний вечер в Сиднее. И еще один щедрый подарок: спектакль «Моя прекрасная леди» в Театре ее Королевского Высочества. Старинное здание из тех, по которым испытывают ностальгию на всех пяти континентах, украшено гирляндами цветочницы Дулитл. Они — в фойе, они свисают с балконов и лож в зале. И публика особая, премьерная, которую можно отличить в любом театре мира — будь то Канберра, Лондон или Таллинн. В антракте некий джентльмен с шутилкой галантно подает оброненный кем-то палантин из люрекса, ошибочно приняв его за мой. Естественно, я благодарю и объясняю ошибку. И со свойственной нашему человеку иронией усмеваюсь про себя:

туфелька, поданная принцем, оказалась не впору, три месяца австралийских каникул пролетели, словно красивое сновидение, Золушка должна возвратиться к домашнему очагу. И хотя, конечно же, грустно расставаться с дорогими людьми, нет ощущения трагичности разлуки, какое все мы испытали три десятилетия назад. Тогда — думалось, навсегда отрывали друг друга от сердца, разъезжаясь по свету из различных городов Китая.

...В «Последнем императоре» Бертолуччо есть кадры, снятые на харбинском вокзале. Не у одного из моих соотечественников перехватило горло от нахлынувших воспоминаний...

Я беру свой школьный альбом — из тех, что принято было иметь у молодых людей моего поколения, — и перебираю его страницы. «Как мало прожило, как много пережилось...» Вот запись, оставленная моей одноклассницей Ольгой Бакич, уехавшей из Харбина в Австралию (ныне она известный специалист-филолог Торонтского университета): «...и теперь и всегда Родина будет для меня самым дорогим на свете, что бы с ней ни было, что бы со мной ни случилось...»

«...Хоть иногда вспоминай далекий Харбин, силуэт Собора на вечернем небе, беспокойный дымок над вокзалом, стремительный памятник бойцам и тихие улочки, такие зеленые и юные весной, тот город, где мы встретились и расстались...»

«Самое главное в жизни — не обманывать себя», — читаю я строки, записанные мне в том далеком 1956 году Татьяной Ивановой Золотаревой, моей учительницей, моей «школьной мамой», которую мне тоже посчастливилось увидеть через столько лет в Австралии.

...После второй мировой войны и разгрома Квантунской армии в северо-восточную часть Китая с ее главным городом Харбин вошли советские войска. И возникла ситуация, которая так понятна населению восточноевропейских стран и Прибалтики. С одной стороны, Китай был освобожден от действительно жестокого иноземного владычества с его изуверским режимом «непобедимой армии» японского императора, с другой... «Карающий меч» продолжателей дела незабвенного Феликса Эдмундовича безжалостно обрушился на мирное население, и по отношению к рус-

ским гражданам началось то, что мы здесь именуем «депортацией». В лексикон вошли понятия «забрали», «увезли». Забрали — внезапно, увезли — большей частью «без права переписки». В отличие от русских — выходцев из старой России, давно обжившихся за границей, — командированных из Страны Советов называли «союзными» (как бы и не русскими). Недавно у меня в Таллине побывал мой школьный товарищ, живущий ныне в Мельбурне. Его отца «забрали» в 1948-м. Яша с мамой так и остались на всю жизнь одни. Но моему другу, можно сказать, повезло: известное место захоронения отца —

рали такой замечательный сюрприз: всю ночь ехала она на автобусе вместе с сыном в Сидней ради нашей встречи, потому что не могла ждать две недели до моего приезда к ней в Мельбурн. И тут же я представляю мужа ее Шандора, приехавшего в Австралию из Венгрии в 1956-м. — еще одна непростая судьба, еще одна человеческая жизнь...

Считается, будто судьбу свою человек выбирает сам. От него не зависит только выбор родителей, место и время рождения. И если суждено было мне появиться на свет в Шанхае, городе удивительном и для своей эпохи неповторимом, так это

ДАВНО

под Ригой, тот дожил до реабилитации, и сын пришел к отцу на кладбище в июле 1990-го. Он рассказывал, а в глазах стояли слезы, и я боялась спросить что-то лишнее.

Преступлениям этим несть числа, нет возможности вспомнить все судьбы, — жертвами террора стали многие семьи и моих сверстников. Стоит ли поэтому удивляться, что когда после XX съезда Советское правительство в 1954 году выступило с призывом о поездке в СССР для участия в освоении целинных земель, в русском обществе произошел раскол. Одни с восторгом приветствовали возможность наконец-то выехать на родину, другие сомневались: можно ли прогнозировать свою жизнь в стране за «железным занавесом», не повторится ли тридцать седьмой, годы послевоенного террора? Часть русских устремилась за границу — в США, в Канаду, в Латинскую Америку, в страны Европы... Многие мои сверстники оказались в Австралии.

О зверствах и терроре я узнала позднее. В послевоенный период, когда «забирали» в «Совдепию» харбинцев, мы жили на юге, в одном из красивейших городов мира, построенном немцами, — китайской Ривьере, — Циндао. И если вошла армия Рокоссовского в Маньчжурию, то южные территории Китая после капитуляции Японии заняли американцы. Опять-таки в интернациональной по духу среде проходило безоблачное мое с братом детство, мы жили в прекрасном морском городе, учились в американской школе и, как все русские дети, в мечтах представляли Россию.

«Мы счастливы, что были там, нам есть, что вспомнить», — пишу я дальше свой альбом и любуюсь фотографией Циндао. Ею снабдила свою запись Мари-хен, чуткий, умный наш друг также родом из детства. Мари-хен, устроившая сейчас в Авст-

потому, что моя мама была воспитателем детей мистера Брэдли — начальник американской таможенной службы в Китае хотел, чтобы его сын и дочь хорошо изучили русский язык и русскую литературу. В Шанхае существовали рядом самые различные европейские и восточные культуры, в этом громадном городе небоскребов, огромного богатства и страшной нищеты, как пишет один исследователь, «были представлены нравы, стили и особенности всех народов и всех частей земного шара». А Харбин... Харбин был другой. В международном порту на правом берегу реки Сунгари, впадающей в Амур, тоже скрещивались различные культуры, но он был основан именно русскими в 1898 году при строительстве знаменитой Китайской Восточной железной дороги, проложенной через Сибирь, Дальний Восток и Маньчжурию в рекордные сроки, которых тогда еще не знала мировая практика. Харбин, развивавшийся как европейский центр, сохранял свой русский облик. Процветали меценатство и благотворительность, достигли небывалого расцвета высшие учебные заведения, десятки школ, балет, театр, музыка, медицина, архитектура, церковное строительство. Харбин был центром КВЖД, управление (в начале столетия) — смешанное русско-китайское. В этом городе располагались иностранные консульства и дипломатические представительства всех стран мира. И жили в нем, помимо китайцев и русских, представители всех национальностей Российской империи, и мирно сосуществовали латышское, грузинское, еврейское, татарское и прочие общества. Каких только вероисповеданий не было в этом интернациональном по составу городе, и все это отянулось, сотрудничало, добрососедствовало! О великий дух независимости и свободного выражения индивидуальности

стей, никогда не понять человеку, выросшему как я, в атмосфере уважения к самым разным культурам, взглядам, болезненного восприятия национальных особенностей! Недавно мне довелось по ЦТ увидеть телеинтервью русского художника, давнего жителя Соединенных Штатов. Он рассказывал о том, как во время войны рисовал для матерей портреты сыновей, ушедших на фронт. «Это ведь очень содействовало сближению русских и американских женщин», — упорствовал наш ведущий. «Помилуйте, мне как-то не приходило в голову, какой национальности мать, посланная на войну сына», — отвечал с некоторым удивлением выходец из России... В 20-х годах, в связи с событиями на Дальнем Востоке, в Харбин хлынула волна русских беженцев. Поколение тех «страшных лет России», которое «забыть не в силах ничего». Недавно «Огонек», впервые в советской печати, опубликовал текст Александра Вертинского (а это уже среда моих ро-

блгодарной любви к Маньчжурии не могут люди моей судьбы считать ею пусть и гостеприимную, но все-таки чужую землю. Сейчас мне более близки суждения И. Семпера об эмиграции Тугласа: «Чем меньше соков берут корни из земли, тем алчней впитывают ветви и крона воздух и солнечные лучи». Духовные ценности, накопленные народом веками, русская культура (национальная, а не абстрактно-советская), история (не сфальсифицированная историками сталинской школы), родной русский язык (а не обезображенный, уродливый «язык межнационального общения») — вот, очевидно, стихия, которая питает моих друзей в прекрасной и далекой стране. Став австралийскими гражданами, окончив местные вузы, изучив хорошо английский и следуя местному образу жизни, они имеют что-то и сверх этого — прежнюю свою русскую культуру и русский язык, знание которого бережно передают детям. Вот почему в Австралии русские дети по суб-

работу при Бевудской церкви, бережно храня библиотечную коллекцию. Преподает в русской школе моя одноклассница Вера Валюкевич, с убежденностью верующего человека, отдавая себя благородному делу просвещения нового поколения австралийских русских. Как истинно интеллигентный человек, в своем преклонном возрасте сохраняет поразительную ясность ума ее мать — известный в прошлом харбинский врач Тамара Семеновна Урзова. По-прежнему славится своими постановками танцев для русских детей в Сиднее Елена Александровна Якупова (Кудрявцева) — балетная мама, как трогательно называли мы ее в далекие школьные годы. Как и ее сестра Лида, она была выпускницей известной в Китае студии Елизаветы Васильевны Квятковской и сама с большим успехом выступала на сцене. «Говоря о сестрах Кудрявцевых, трудно определить, которая из них талантливей», — писал рецензент популярной дайренской (опять-таки русской) газеты.

На альбомном листе — фиалки. Их рисовала одаренная пианистка Татьяна Тетушкина — ныне Ребикова, звезда харбинских концертных сезонов, сейчас преподаватель Сиднейской консерватории. И тут же вспоминается наша австралийская встреча, и муж Андрей — «золотые руки», который не оставляет мечту побывать в родной Риге, откуда вывели его родители в тяжелые годы и куда не могло

Она напечатана с помощью электронной палочки, которую Тамара держит в руке — она не в состоянии произнести ни слова. Красивая девушка, затем счастливая мать и жена, и вдруг внезапное, непонятное — инсульт мозга, парализовавший на многие годы все, кроме мозга и души, сохранившей человеческую доброту и память... А память о харбинской юности дорога всем. Несмотря на многочисленные семейные обязанности, неизменный инициатор встреч — Ира Ромашенко (Клиник), и тут же появляются кинохроникеры, и режиссеры, и летописцы школьной истории, и уже Миша призывает «мозгою не стареть»... Собирают старых школьных товарищей со всех континентов мои милые друзья мистер и миссис Никобадзе, глядя на которых, начинаешь, как в юности, верить в добрые идеалы человечества — супружескую верность и любовь. Маргарита, леди Маргарет, как ее шутя называют, — одна из самых женственных и нежных женщин, которых когда-либо я встречала. Глядя на нее и на моего дорогого старшего друга Веру Михайловну Аполлонову, начинаешь понимать, почему так часто титулы «Мисс Шанхай» и «Мисс Харбин» доставались русским женщинам. Наверное, это внутреннее обаяние покорило и в теньцзинке Татьяне Верстак, завоевавшей в свое время титул мисс Австралии и ставшей затем мисс Вселенной. И как все-таки щедро

Белый генерал

ТАК НАЗЫВАЛИ и современники, и потомки Михаила Дмитриевича Скобелева, героя русско-турецкой войны. Как вы понимаете, прозвище это получил он гораздо раньше, чем раскололся на два цвета — красный и белый — Россия. Существует легенда, будто напроорочествовала во время туркестанских походов Скобелеву гадалка, что будет он непобедим, если встретит врага в белых одеждах верхом на белом коне. Только дважды во время турецкой кампании вступал он в бой одетым в темное, и оба раза был контужен взрывами снарядов. Что, впрочем, не помешало ему снискать славу замечательного военачальника, память которого и поныне чтут и в России, и в Болгарии.

В конце сентября в Москве проходили торжества, посвященные 143-й годовщине со дня рождения М.Д. Скобелева, организованные Болгарским культурно-информационным центром в Москве, центром пропаганды и общественных инициатив Всероссийского общества охраны памятников старины и культуры, Рязанским землячеством и военно-историческим клубом. Побывали участники праздника и в усадьбе Михаила Дмитриевича — селе Спасское-Заборова на Рязанщине. Там будет создан мемориал героя, уже идет сбор средств для этого. Пожертвования можно перечислять на счет 000700906, Новоде-ревенский Агропромбанк, Рязанская область.

Борис СЕРЕГИН.

Русская идея

ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЙ семинар с таким названием создан при Таллиннской организации «Знание». Цель его — ознакомление слушателей с русской философской, общественной мыслью и словесно-художественным творчеством, иссведовавшимися смысла бытия русского народа. Руководитель семинара — профессор В. Хютт (Институт философии, социологии и права АН Эстонии), заместитель руководителя — О. Гречишнина («Знание»), научный секретарь — доцент З. Хакимова (Институт философии, социологии и права АН Эстонии).

Сегодня, когда эстонское самосознание укрепляется, а русской общине предстоит определиться, такое начинание более чем своевременное.

Первая лекция — «Национальная идея вообще и русская в частности в историческом, философском и литературно-художественном освещении» — состоится 31 октября в 18 часов в зале Эстонского Союза техники и спорта (Уус, 19).

Встречи будут проходить раз в две недели в том же месте и в то же время. Следующие темы таковы: «Варяги и Русь» (Соловьев, Ключевский, Гумилев); «Теория этногенеза Гумилева и сознание нации»; «Словесно-художественное творчество. Пушкин и Достоевский о национальном характере русского народа»; «Владимир Соловьев и Николай Бердяев: философия русской идеи»; «Новая диалектика отношения культур. Методология доминантности фазизма и мыслителя Нильса Бора»; «Проблемы сознания в современной философской мысли (М. Мамардашвили, М. Хайдеггер)».

Ольга ГРЕЧИШНИНА.
Фотографии из
личного архива
автора.

РАЗОБЛАЧЕННАЯ

дителей), знакомый любому русскому из диаспоры с детства. И вызывающий неизменную боль. «Я не знаю, зачем и кому это нужно. Кто послал их на смерть недорожавшей рукой. Только так беспощадно, так зло и ненужно опустили их в Вечный Покой!» Впрочем, мой отец — выпускник Хабаровского кадетского корпуса — так никогда и не узнал, при каких обстоятельствах в кошмаре гражданской войны умерли его мать и отец — Георгиевский кавалер, опустив ли их кто-нибудь в Вечный Покой... Единственную сестру Надю, окончившую Петербургскую консерваторию и Высшие Бестужевские курсы, мы так никогда и не смогли отыскать. Связь с ней прервалась в тридцатые годы. Да и что говорить, сколько драматических судеб стлила история страны, ставшей жертвой какого-то безумного эксперимента по уничтожению русского народа — от дворянства до крестьян. Возродится ли еще былая культура русской нации, которая, словно Атлантида, стлила в начале XX столетия? И как долго продлится мода периода гласности на русское зарубежье, начавшаяся с публикации русских писателей и философов, доселе не известных только на своей родине — в России?

В юности мне были близки мысли Тургенева, столько лет прожившего во Франции: «Родина без каждого из нас обойтись может, но каждый из нас без нее обойтись не может». Но ведь именно русские за границей и являются в наши дни продолжателями русских традиций. И что такое родина? При всей

ботам учатся в школах, где преподают, как мы выразились бы, на общественных началах их родители. Их часто спрашивают: «Вы живете за границей, откуда так хорошо знаете русский?» «Мы ведь русские!» — удивляются в свою очередь мои австралийские друзья.

Признаться, подобные вопросы ставили в тупик и меня, когда я приехала в Советский Союз. Как и недоуменные замечания по поводу добровольного лишения прекрасных материальных условий жизни за границей. Я привыкла отшучиваться. Объяснять было бы долго. А главное — бесполезно. По-моему, достаточно четко ответил в этой ситуации мой друг, вернувшийся из Австралии после «ЭСТО-88». День был мрачный. Накрапывал дождь. Вокруг я видела хмурые, неприветливые лица моих сограждан. Как назло, ступила в какую-то лужу. «Интересно, и как ты себя чувствуешь в нашей хмарь после праздничной, солнечной Австралии?» — сыронизировала я. «Все равно Эстония лучше!» — не задумываясь отпарировал он. Это было совсем нелогично. Даже как-то неостроумно. Но, представьте, я его поняла...

Снова я беру в руки альбом и просматриваю записи своих соотечественников по Харбину — в конце концов, и меня судьба забросила на несколько лет в этот центр русского зарубежья в Китае. Беспокойная душа, моя старшая учительница Татьяна Ивановна Золотарева. В Австралии, несмотря на пенсионное обеспечение, она продолжает преподавать русским язык и ведет просветительскую

МОРОКА»?

быть возврата. А вот еще одна судьба — Аленушка Казгони, родившаяся в Советском Союзе и потерявшая в перипетиях войны единственного братишку, с которым, если и жив он, никогда уже не найти друг друга. Аленушка, свободно говорящая на нескольких европейских языках, попавшая в Австралию из Вены. А дед ее — казачий атаман — послужил моделью знаменитого памятника Ермаку в городе Новочеркасск!

Я смотрю на фотографии талантливого «мистера Белоногова» — моего соученика Миши, который имеет свое собственное успешное «дело» и одновременно пишет трогательные за живое стихи — надеюсь, они еще будут опубликованы в «Русской почте»... Мне вспоминается отец Георгий, священник из Мельбурна, выпускник харбинского лицея святого Николая и одноклассник известного таллинца-синолога Н.И. Поповича, — энергичный, эрудированный и умеющий так незаметно принести добро людям... И другой, молодой, уже родившийся в Австралии, отец Грант, свято хранящий традиции православной религии на далеком Австралийском континенте. Я берегу машинописную строку моей соученицы Тамары Пенской: «Здравствуй! С приездом!» —

природа одаряет некоторых людей! Сколько глубины в голосе Иры Аполлоновой, безобидного поэтического чутья (она ведет передачи на русском радио), как интересно исследует поэзию Велимира Хлебникова мельбурнка Ольга Кекс...

Я закрываю свой альбом, потому что не в состоянии упомянуть всех своих друзей. Но я помню всех и горжусь ими. В нашем насквозь прагматизированном обществе, где сегодня идеалы ориентированы на заработок и где все меньше остается тех, кто печется о благе Отечества, приятно сознавать, что за тридевять земель, за морями-океанами живут славные, добродетельные люди, не утратившие доброты и способности к духовному поиску. «Привет вам, харбинцы!» — так называется книга моей соотечественницы Натальи Мельниковой (Грачевой), которая выходит в издательстве «Советский писатель». Привет вам, дорогие харбинцы! Я закрываю свой школьный альбом на записи, сделанной в Харбине весной 1956 года: «Будем надеяться на встречу!»

Лауреат Нобелевской премии — редкий гость. И мечтать было нельзя о предложении зам. редактора поехать в Вирбалис. Поехали всего несколько журналистов. Сотрудники печати на других языках и из литовской печати я один. В Вирбалисе уже знали, что вечерним поездом приедет этот редкий гость, сотрудники таможни, узнав нас, сразу же сообщили:

— Ага, Бунину встречать приехали!

Гость — известного русского писателя и лауреата Нобелевской премии Ивана Алексеевича Бунина — находим в купе 1-го класса. Это среднего роста, седоволосый, худощавый господин, точно такой, каким мы представляем типичного английского лорда. Он, однако, разговорчив, живой и открытый. Только одного не хочет касаться в разговоре — политики. Путешествие прошло очень хорошо, проезжая через Германию, не почувствовал никаких неудобств, везде ощутил любезность.

Достаточно много пришлось поехать по Европе, — рассказывает Бунин, — однако после войны я в первый раз попадаю на Балтику. Видел Литву только перед войной из окна вагона, когда этот Вирбальский вокзал был пограничным между Россией и Германией. Однако слышан о Литве достаточно, и о ее прибалтийских соседях. Рад возможности увидеть жизнь добившихся независимости и бережно относящихся к своей культуре народов. Слышал, что вы, литовцы, в корне изменили Каунас и сделали из него современный город. Будет интересно его увидеть. У меня есть знакомый литовец — это ваш Балтрушайтис, нынешний представитель Литвы в Москве, с которым

И.А. Бунин о Литве и Нобелевской премии

(специальное интервью с И.А. Буниным в поезде Вирбалис — Каунас)

познакомился до войны в литературных кругах. Надеюсь встретиться в Каунасе и с художником Добужинским, которого видел в этом году в Париже. Кроме того, изучая прошлое нашей семьи, выяснил, что Бунины не чисто русские по происхождению, а происходят из литовцев или поляков. Примерно несколько столетий назад еще во времена Василия Темного мой предок прибыл в Россию из Литвы или Польши и звался Буйковский или Бунковский, но по приказу царя Ивана Грозного он сменил фамилию на Бунин.

В дальнейшем Бунин интересовался, знают ли еще русский язык в прибалтийских государствах, будет ли аудитория, знающая достаточно русский язык. Есть ли интерес к русской литературе и к его лекции. И очень сердился, что его выступление назвали лекцией.

Почему лекция? Это такое скучное слово! Я и не собираюсь читать лекцию, это будет просто разговор, я поделюсь впечатлениями о встречах с Л. Толстым, Чеховым, Горьким, Куприным и другими известными русскими писателями.

Заходит разговор о Нобелевской премии.

Бунин — первый и единствен-

ный из русских писателей, получивший Нобелевскую премию.

Из русских ученых премию получил известный профессор Мечников, использовавший ее для своих научных опытов, купив огромное количество обезьян. Размер Нобелевской премии — 20000 шведских крон (около 280000 литов). Назначает ее комиссия из 18 человек, которую составляют члены Шведской академии наук, критики и специалисты. Кандидатов на премию могут предлагать ранее получившие премию лауреаты, а также профессора.

Теперь и я могу сделать претензию претенденту на Нобелевскую премию, — с юмором замечает Бунин.

Говорим о неудачном лауреате Нобелевской премии мира Осейком, которому получить премию мешали политические дразги, а затем еще его обманул посредник при выдаче денег.

Хорошо, что со мной таких затруднений не было! Но все же я много потерял при изменении денежного курса, — с улыбкой говорит Бунин.

Он не скрывает удовлетворения по поводу премии не только с моральной точки зрения, но и материальной, ибо жизнь русских писателей-эмигрантов

действительно трудна и незавидна. В Париже и в других центрах эмиграции зачастую приходится делать сборы и давать благотворительные вечера в пользу того или иного русского писателя.

Комиссия по премиям в Стокгольме распределяет их в большой тайне, и поэтому присуждение премии всегда неожиданно. Бунин надеется, что протоптанная им тропа к Нобелевской премии не зарастет для русских писателей, как было до сих пор. По его мнению, первым Нобелевским лауреатом среди русских писателей должен был бы быть Л. Толстой.

Вручение Нобелевской премии происходит по определенному, установленному традициям, церемониалу, в центре которого банкет, подготовленный от имени наследника шведского престола. На нем лауреаты должны сказать по-французски соотвествующую речь. Принимает лауреатов король Швеции. Все это пришлось испытать и Бунину.

Человек может получить Нобелевскую премию только один раз.

Хоть ты и будешь писать, как Шекспир, второй раз уже премию не получишь, — говорит Бунин.

Заканчивая разговор на эту тему, И.А. Бунин пожелал и литературе литовцев и других прибалтийских народов успешно расти и взрастить своих нобелевских лауреатов.

Много разговаривали с Буниным на целый ряд других тем. В том числе и о смерти Шаляпина, которая глубоко взволновала Бунина, потому что он был ему близок. Но вот уже и Каунас. На вокзале ожидает толпа народа, литовские писатели с правлением Союза писателей во главе, представители местных русских организаций, студенты. Г-жа Бинкиене вручает И.А. Бунину огромный букет роз, его приветствует председатель общества писателей Й. Грушас, от русских — Татаринцев. На вокзале для приема гостя открыты репрезентационные комнаты, где происходит недолгий разговор, и гостя провожают в литовскую гостиницу. Вечером в честь Бунина состоится прием в обществе писателей Литвы. В воскресенье в Государственном театре будет происходить вечер, вызывающий большой интерес в обществе.

И.Ф.
Газета «Лиеувос жиниос»,
1938 год, 22 апреля,
№ 89.

В рамках празднования 120-летия со дня рождения писателя состоятся вечера: 19 октября — в Нарве, 20-го — в Тарту, 21-го — в Таллине, в Концертном зале «Эстония». 22 октября в Таллине откроется научная конференция, посвященная этой дате. Все мероприятия проводятся по инициативе Общества славянских культур.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ

на Эндла, 8

открыта ежедневно с 11 до 18 часов
кроме воскресенья и понедельника

ВЫСТАВКА—ПРОДАЖА

ПРОИЗВЕДЕНИЙ
СТАРЕЙШИХ МОСКОВСКИХ
И ЛЕНИНГРАДСКИХ ХУДОЖНИКОВ
ПРОДЛИТСЯ ДО НОЯБРЯ.

Телефон для справок: 45-33-60

Наш спонсор —
Малое предприятие «РЕСПРО»

Наш адрес: 200090
Таллинн, а/я 3122.
Телефоны:
684-628, 681-133.

КАЖДЫЙ ПИШЕТ, КАК ОН ДЫШИТ

— В сборнике есть стихотворение, которое называется «Вне времени». Это что — возражение оппонентам, ответ на урек?

— Да. Я был участником совещания молодых писателей Северо-Запада в Ленинграде. Вообще-то говоря, стихи мои приняли на удивление хорошо тогда. Буквально на следующий день после обсуждения их опубликовала «Смена». Но вот один из участников разговора сказал, что стихи «вне времени». Я ужасно удивился и даже обиделся...

— А, знаешь, я вот тоже не увидела в твоих стихах «дыхания сегодняшнего дня». Другое дело, что меня это не расстроило, а скорее наоборот. И тем не менее факт остается фактом: ничего на «злобу дня». Может, просто процесс производства книги затянулся!

— «На злобу» я не пишу и сегодня. Мне вообще мало нравится, что злобы в нашей жизни стало многовато. Книжки у нас печатаются долго, это верно. Я сейчас многие из опубликованных стихов в сборник не стал бы включать. Но отнюдь не по признаку злободневности. Есть вещи, которые современны всегда: и в XIX веке и в XX. Какие-то общечеловеческие ценности. Вот о них-то мне и интересно размышлять и писать.

— А как быть с утверждением «поэт в России больше, чем поэт»?

— А что? Правильное утверждение. Только не стоит его понимать слишком буквально. Мне, честно говоря, совсем не нравится рифмованная публицистика. Даже написанная большим мастером. Это ведь тоже конъюнктура, только навыворот. И — в этом я убежден — смерть творчества. Если поэтический сборник напоминает стенограмму митинга, то это не литература, а что-то другое.

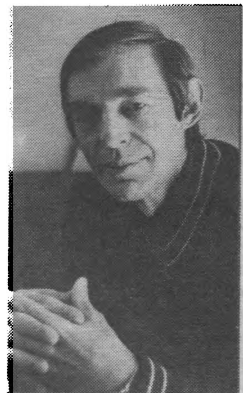
— Сергей, в твоих стихах — это отмечает и автор предисло-

Представляя постоянного ведущего нашей рубрики «Новое тысячелетие», мы говорили о том, что в Москве, в издательстве «Молодая гвардия» готовится к выходу вторая книга стихов Сергея Бойцева. Сейчас поэтический сборник «Цепь» поступил в продажу, и это, как нам кажется, подходящий повод для того, чтобы задать Сергею несколько вопросов.

Сергей БОЙЦЕВ

НАПУТСТВИЕ

Желаю встретить стаю.
Быть пробой на излом.
Дорог тебе желаю,
Затянутых узлом.
Желаю быть поэтом,
Мишенью на миру.
Раскольные рассветы
И жизнь длинной в стрелу...

вия к сборнику Владимир Фирсов — много лирических строк о российской деревне, размышлений о ее судьбе. Прочтешь и не догадаешься, что автор живет в Эстонии.

— Это, наверное, потому, что я очень русский. Пятнадцатый год в Таллине (так судьба сложила, приехал к жене, дочке), но душа питается тем, что осталось на родине, в деревне Александровской области. Поэтому и пишется так, но нарочитости, демарша в этом нет.

Знаешь, лет пять назад в эстонской русскоязычной прессе велась оживленная полемика о том, какой быть русской литературе в Эстонии. И превалировала точка зрения, что она должна сильно отличаться от той, что создается в метрополии, поскольку обязана ощущать зна-

чительное влияние эстонской культуры. Я тогда ее не принял, не принимаю и теперь. Да, конечно, события, окружение, образ жизни не могут не налагать какой-то отпечаток. Но, пропущенные через собственное восприятие, они трансформируются в стихи. У русских — в русские, у украинцев — в украинские. По-моему, это так и должно быть.

— Последний вопрос к тебе как составителю сборника «Новое тысячелетие»: много хороших стихов присылают!

— Хороших стихов во все времена было мало. Рукописи поступают. Случаются открытия. Словом, все идет нормально, и сборник, полагаю, будет издан, как и намечалось, в 1991 году.

Беседу вела
Людмила ТРЕТЬЯКОВА.